

ГЛАВА 1

Меня трясло так впервые за все мои тринадцать лет жизни. Будто тисками сдавило голову, а сознание отошло куда-то на второй темный план, уступив место всеобъемлющему ужасу и одному подавляющему стремлению — бежать! Но даже бежать я не мог, а только рухнул на колени.

Начальник штаба полка взволнованно бросился ко мне:

— Сашка, что с тобой?

— Отсюда! Все отсюда! — из последних сил закричал я.

В той украинской мазанке кроме меня было три человека — все командование полка. Испугавшись, они вытащили меня, юного красноармейца, во дворик, на свежий воздух. Успели вовремя. Мазанку накрыло польским снарядам. Красиво она разлетелась. В пыль и в хлам. Но зато выжили все, хотя без контузий не обошлось.

Этот случай настолько потряс всех чудом спасенных, что его долго предпочитали не вспоминать.

Было в нем что-то запредельное, не от мира сего. А мне это ощущение близкой смерти и стремление вырваться из ее цепких лап не раз потом спасало жизнь и в боях, и на службе в ОГПУ. Оно и неувидительно. Кто смерть чует, у того жизнь длиннее.

Вот и сейчас меня будто обдало потусторонним холодом. И я ощутил присутствие ее, костлявой. Не резкое и опасное, зовущее к немедленному действию, а вязкое, растянутое во времени и в пространстве. А еще я ощутил укол в затылок — как от недоброго взгляда.

Вздыхнув поглубже свежий ночной майский воздух, я почувствовал, как в голове становится яснее и тревога отступает. Чего я переполошился? Психиатры утверждают, что есть такая болезнь — мания преследования. Это когда враги с вилами и обрезамы за каждым кустом мерещатся.

Но тревожило еще и то, что время давно вышло. А покупателя как не было, так и нет.

Информацию мне принес в клювике мой осведомитель со звонким псевдонимом Пономарь, да еще так бодро верещал и крылышками бил в надежде на начальственную похвалу и заслуженную премию. В общем-то сама информация была неопределенная и вроде как ни о чем. Какой-то юный старообрядец-сектант, которого только по имени и знают — Савва, должен принести какой-то очень дорогой и, может, даже запрещенный предмет, связанный с отправлением религиозного

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

культы, покупателю и получить за него что-то тоже важное и весомое. Нормально так, в лучшем стиле русских народных сказок — неизвестно, непонятно, таинственно, но здорово!

Связываться с этим у меня сильного желания не было. Все же признаков контрреволюционной деятельности я в упор не видел. А кто-то кому-то что-то продает — так это не наше дело. Хотя, как положено, доложил своему любимому начальнику. И Раскатов неожиданно оживился:

— Надо брать!

— А за что? — не понял я.

— Ну там спекуляция, противоправный оборот чего-нибудь. У нас башка большая, придумаем, — в обычной своей грубой манере ответил Раскатов, шарахнув привычно ладонью по столу.

— Максимильтян Данилович, а смысл есть? — с сомнением поинтересовался я.

— Надо не на каруселях в парке кататься, а директивы из Москвы читать. Или они для дураков написаны, а ты у нас умник? — с готовностью встал на дыбы начальник, припомнив, как однажды увидел меня с женой в очереди на «Чертовое колесо» в городском парке. — Там ясно написано: «пристальное внимание уделять поиску и изъятию уникальных культовых предметов, особенно связанных с сектами и тайными обществами».

— О как!

— В общем, бери Сына Степей. И представить перед мои очи торгашей и предмет торга... Вы все поняли, Александр Сергеевич?

— Так точно, — вздохнул я.

И вот затаились мы, боясь дышать. Как там сказано в горячо полюбившемся мне романе «Двенадцать стульев»: «Гаврила ждал в засаде зайца». Один «заяц» давно на месте, а другого все не видать. А тревога никуда не девается. И светать уже скоро будет.

Точку наблюдения я выбрал в редком кустарнике на пригорочке, расчистил угол обзора. Спрашивается, зачем для банального акта купли-продажи выбирать такое запущенное место? Это было здание старого винного склада за рекой, город здесь присутствовал, но как-то ненавязчиво. Три года назад тут пылал большой пожар. Целыми остались только длинный закопченный остов бывших винных складов купца Евграфьева и несколько кривых, покосившихся, приземистых кирпичных строений тоже складского назначения, образующих некое подобие городского квартала. Позже место расчистили от погоревших домов и хотели что-то строить, потом забросили. Сейчас вокруг зеленел кустарник, ближе к воде росли плотным строем камыши.

Местечко издавна считалось гиблым, селились в нем люди с большой неохотой. И ныне предпочитают обходить его стороной, считая, что ночами здесь собирается всякий уголовный сброд. Но только и сброд тут бывает редко.

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Ну все, пора и честь знать. Время вышло.

Я подал условный знак — крик одинокой и жутко озабоченной птицы, как в разведке Рабоче-крестьянской Красной армии учили. И вскоре кусты зашуршали, возник Амбага — приземистый, юркий и страшно говорливый мой ровесник, вечно возмущенный чем-то и взъерошенный, как воробей. Тут же принялся нашептывать, что контра совсем от рук отбилась, никуда вовремя прийти не могут.

— Брать пора продавца, — решительно произнес я.

— На чем брать? Покупатель еще не пришел, — возразил мой соратник.

— Вряд ли уже придет. И вообще, не нравится мне это.

— Мне как-то тоже, — согласился Амбага. — Зябко и жрать нечего.

— Тебе бы только жрать, — хмыкнул я, аппетит у соратника, несмотря на его тщедушное телосложение, был завидный, даже легендарный. — Решено. Пошли. И осторожнее.

— Не учи степняка, — гордо ответил Амбага.

Был он по национальности монголом, но его предки давным-давно переехали в нашу область, так что монгольского языка он не знал, в степи ни разу не был, но всегда гордо козырял при любом случае «мы, степняки», за что получил в отделе прозвище Сын Степей.

Я извлек из-за пояса свой старый добрый «наган». А Амбага достал откуда-то из кармана просторной холщовой куртки тяжеленный фонарь с аккумуляторами — немецкий, большая редкость и вещь в нашей профессии сильно полезная.

Тропинка в траве была натопанная, что намекало на присутствие время от времени людей. Я споткнулся о какую-то подлую каменюку, отбив ногу. Потом, опасаясь поднять шум и ступить в нечистоты, которых здесь богато, мы пробирались между почерневшими от огня покосившимися кирпичными строениями. Мне все казалось, что они прямо сейчас рухнут нам на голову горным обвалом, погребя отважных чекистов. «И никто не узнает, где могилка моя».

У главного и единственного входа в складское помещение мы встали по обе стороны двери и прислушались. И опять я будто ощутил укол чьего-то недоброго взгляда. Огляделся. Никого. Да что же это со мной!

Набрав в легкие побольше воздуха, стараясь двигаться мягко и бесшумно, мы шагнули в помещение.

Там было пыльно, глухо, лежали доски, истлевшие корзины, по которым заскользил луч фонарика.

Прошли через пару извивающихся коридоров. По идее, где-то впереди должно было быть большое складское помещение.

— Выключи фонарь, — прошептал я.

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Свет погас. А впереди я увидел бледное желтое свечение. Свет мерцал слабо. И манил нас, как мотыльков.

Я вбирал в себя все звуки, потоки, запахи, сквозняки. И осторожно продвигался вперед. Сейчас главное, почувствовать чужое присутствие раньше, чем почувствуют тебя. Шаг за шагом...

Никакого постороннего шума, чужого движения я не ощущал. Нет здесь никого? А куда делся юный старовер?

Я стиснул рукоятку «нагана». Нервы были на взводе. Место мне не нравилось все больше. Тревога нарастала. И я готов был стрелять при малейшей опасности.

В дверном проеме открылся большой складской зал. Он был слабо освещен догорающей в центре огромной церковной свечой, такие используются при особо торжественных богослужениях.

— Пошли, — кивнул я.

Присутствия чужих я все так же не чувствовал, но что-то холодное и нехорошее здесь имелось.

Амбага включил фонарь, мазанул лучом света по стенкам, по ровному каменному полу и удивленно воскликнул:

— Ух ты. Звезда красная. Прямо как с плаката.

Он высветил на полу звезду, нарисованную бурой краской.

— Ну да, партсобрание тут было, — хмыкнул я, ощущая, как ледяная змейка ползет по спине.

Не наша это была звезда. Не с плаката и не с буденовки. Хотя бы потому, что на ее концах краснели непонятные символы. И по причине начитанности и интеллигентности, мало свойственным людям нашей беспокойной профессии, я знал, что это означает.

— Гниль здесь, Амбага, — процедил я. — Надо внимательно осмотреться.

Впрочем, долго осматриваться не пришлось. Еще один пробег вокруг — уже помедленнее — луча фонарика. И вот она, темная масса в самом углу, на полу, предварительно очищенном от мусора, деревяшек и разломанных винных бочек.

Юный продавец по имени Савва лежал, раскинув руки и ноги, тоже в форме звезды. В груди его торчал кинжал с длинным лезвием и массивной серебристой рукояткой, который пронзил грудь и пришил к ней старинную тонкую книжку без обложки. Безжизненное тело располагалось строго в центре начертанного чем-то весьма похожим на кровь треугольника.

— Ох ты ж пердимонюкль какой! — ошарашенно воскликнул Сын Степей.

ГЛАВА 2

— Ты меня тревожишь не на шутку. Какой-то сам не свой. Дома не ночуешь. Выглядишь как привидение. — Варя критически оглядела меня

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

с ног до головы — помятого, небритого и совсем непрезентабельного. Раздумывала сейчас, наверное: и зачем ей такое сокровище? Хотя нет, не раздумывала. Потому как я действительно сокровище — ну, конечно, с большой натяжкой и под определенным углом зрения.

Вернувшись с ратных подвигов, нашел я родную жену в специальном помещении областной больницы номер один, где она закладывала в автоклав хирургические инструменты с целью их стерилизации для последующего рассекания и сшивания человеческой плоти. Работа такая. Кто-то людей дырявит, как я. Кто-то сшивает, как Варя. И все в рамках одной семьи. Диалектика, однако. Единство и борьба противоположностей.

— Работа заела, — виновато развел я руками. — Ночная смена. Как говорится в народе — работа огородная, да слава всенародная.

— И много славы наработал? — улыбнулась Варя, раздумывая пилить меня за то, что исчез, ничего не сообщил и шатался неизвестно где.

— Да какой там, — махнул я рукой. — Одни устройства и никаких лавровых венков.

— Давай чаем тебя напою с бутербродами, герой, — сказала жена.

Автоклав запищал. Варвара достала и разложила угрожающего вида инструменты. Водрузила их на положенное место. И мы отправились в ее сестринский кабинет.

Вскоре я сидел за раскачанным металлическим столиком. Вот сколько уже Варя сменила больниц, а столики везде такие — металлические и раскачанные. И чай все такой же из ее рук — с волшебным ароматом и изумительным вкусом. У нее вообще все получается на пять баллов, о чем я, закоренелый троечник, могу только мечтать.

Всегда, когда я вот так сижу, мелкими глотками глотаю ароматный чай, а Варя смотрит на меня своими бездонными глазницами, тут и снисходит истинное умиротворение. Все проблемы будто отдаляются, усталость отступает.

А вымотался я прилично. Бог с ней, с бессонной ночью. Даже риск, опасность и труп на полу не так действовали. Но последовавшая, казавшаяся бесконечной, суэта с формальностями. Рапорта, осмотр места происшествия... Ух, врагу не пожелаешь. Да и некий шок от увиденного тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Я с удовольствием балуюсь чтением легкой беллетристики. Особенно будоражат кровь разные готические романы, которые были модными перед самой революцией, и до сих пор ими завалены букинистические лавки. А в этой литературе любимая тема — всяческие темные ритуалы. Именно такие — с пентаграммами, малопонятными значками и человеческой кровью. Конечно, драматизм и эффекты, которые больше годны для кино, я люблю. И, читая про ужасные кровавые

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

действия, я бы непременно был доволен таким поворотом сюжета, ведущим к раскрытию страшных потусторонних тайн. Только вот это был не готический роман, и кровь пролилась настоящая. До сих пор перед глазами тело юнца, которого прокололи кинжалом, как какую-нибудь редкую бабочку иглой. И появившиеся в связи с этим тайны вовсе не звали в романтическую даль и к волнительным приключениям, а легли тяжелым грузом на мои плечи, потому что искать ответы предстоит мне. И не факт, что это вообще удастся. Как говорят, жди ответа до лета.

После обнаружения нами тела началась толкотня, как в очереди за хлебом. Незамедлительно возникла масса народа. Тут тебе и милицейский наряд, и дежурный из нашего постпредства, и следственно-оперативная группа из сотрудников угрозыска и следователя прокуратуры. Криминалист добросовестно щелкал фотокамерой с магнелиевой вспышкой, а потом опылял поверхности порошками, пытался перенести на дактилоскопическую пленку Рубнера следы пальцев рук. Энергично, как тигр в клетке, мерил шагами пространство как всегда выглядящий веско и благородно Вениамин Ираклиевич Яцковский, роняя время от времени свое весомое судебное-медицинское слово.

Судмедэксперт Яцковский — это вообще отдельная тема. Я знал его достаточно хорошо. Он работал хирургом, и Варя, не раз бывавшая у него опе-

рациональной сестрой, утверждала, что специалист он очень сильный. Заодно по совместительству он подрабатывал в отделе судебных экспертиз. Так что время от времени мы с ним встречались в больнице номер один и на местах происшествий. Был он высок, атлетичен, статен, вальяжен, полон снисходительного мужского обаяния. Женщины в его присутствии таяли как воск. А во мне поднималась иррациональная волна ревности, когда я думал, что как воск может растаять и моя Варвара. Хотя, конечно, волновался я зря. Ревность — чувство реликтовое. А если твоя женщина растает при виде фактурного самца, ну, значит, такой у нее выбор и ты в ней ошибся. Но только не ошибся я в Варваре ни на йоту и знал это наверняка.

— Причина смерти — колотая рана, — диктовал бодро и быстро, как заведенный, Яцковский. — Жертву оглушили ударом по голове, тупым тяжелым предметом. Мне кажется, что били кулаком. Для этого нужна приличная физическая сила, чтобы в лоб сшибить. После этого уложили, придав нынешнюю позу. И пришили одним очень сильным ударом. Пробить сразу книгу и грудь — это постараться надо. Красиво сделано. — Он аж причмокнул.

Я не раз замечал, что он как-то преобразается, когда осматривает безжизненные тела. Что-то хищное, мутное и слегка безумное возникает во взоре, как у большинства патологоанатомов и хирургов,

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

считающих человека лишь машиной, притом с ко-
риво подогнанными и изношенными деталями.

— Кроме того, что убийца здоров физически,
что можете сказать? — спросил я.

— Могу сказать, что такого я за почти пятьдесят
лет своей жизни не видел...

При тщательном осмотре места происшествия
картинка стала в целом понятной.

Мы были уверены, что из винного склада име-
ется всего лишь один выход. Но оказалось, что
под комплексом строений существует запутанная
система подвалов, которыми и воспользовался
убийца. Почему бы ему не заявиться, как прилич-
ные люди, через парадное? Или засек нас?

Убийца с жертвой встретились на складе. Потом
произошло страшное. Интересно, расправа была
запланированная или спонтанная?

Убитый — невысокий сухощавый парнишка
лет, думаю, двадцати, с мозолистыми руками, сви-
детельствующими о привычке к тяжелому физиче-
скому труду. Никаких документов или предметов,
позволяющих установить его личность, при нем
обнаружено не было. Кто это такой, откуда взялся?

И книга на его груди. Она была старинная,
без кожаной обложки, рукописная, а не напе-
чатанная, всего на несколько десятков листов.
Ей минимум лет двести. «Книга толкований». Как
я понял, переписанные от руки избранные места
творения протопопа Аввакума. Вещь, в общем-то,

не редкая, но в связи с возрастом относительно ценная. И не заслужившая, чтобы ее проткнули кинжалом.

Я отхлебнул чая, встряхнул головой, отгоняя еще свежие воспоминания и пытаюсь переключиться с рабочего ритма на ритм душевного отдохновения. Но произошедшее меня не отпускало и тянуло за язык, притом так, что противостоять этому было невозможно. Мне хотелось высказаться. И чтобы кто-то посочувствовал моим трудностям. А кто умеет сочувствовать лучше, чем Варя? В этом деле она истинный профессионал.

— С твоим хирургом работали, — сказал я, прихлебывая чай.

— Что, убили кого? — встревожилась Варя.

Напускать туману и делать из всего тайну смысла не было. Все равно вскоре весь город будет знать и полниться слухами. И я выложил ей коротко, без подробностей, наши похождения на винном складе.

Она изумленно смотрела на меня. А потом воскликнула:

— Жертвоприношение!

— Думаешь?

— Саша, это классическое жертвоприношение!

— Кого вы тут в жертву приносите! — услышался громовой голос.

И на пороге возник Богдан Чиркаш собственной персоной. Заведующий идеологическим отделом

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

обкома, пламенный оратор и вечный пациент горбольницы номер один. Раскатов, поднаторевший давать всем прозвища, именовал его Идеологом.

— Пока что только примеряемся, — шутканул я в ответ и тут же прикусил язык, потому как шутки до Чиркаша доходят с трудом, зато бдительная чуйка у него работает постоянно и в форсированном режиме.

— Это ты, Александр Сергеевич, про находочку вашу ночную? — без приглашения приземлившись на стул, который заскрипел, готовый развалиться под тяжестью тела, спросил Идеолог.

— Вы-то откуда знаете? — насупился я.

Не то чтобы я недолюбливал Чиркаша, но его присутствие создавало массу неудобств. Его было слишком много. С его приходом, здоровенного, пузатого, напористого, сразу становилось тесно. Он излучал неумный оптимизм, гармонично сочетающийся с крайней подозрительностью и гипертрофированной пролетарской принципиальностью, а также бескрайнюю твердокаменную самоуверенность.

— Так мой долг партийный — такое раньше всех узнавать. Что обо всем этом думаешь? — пристально посмотрел на меня Чиркаш, так что я отставил чашку. Допивать чай как-то расхотелось.

— Рановато выводы делать, — произнес я. — Скорый поспех — людям на смех.

— Попомни мои слова — это старообрядческая гниль, — сел на своего любимого конька Чиркаш. — Это от их религиозного мракобесия все зло у нас. Пока не выжжем эту скверну, так и будут дела нехорошие твориться.

Я только пожал плечами. И поспешно распрощался, сославшись на неотложные дела. А Варя принялась за пациента. Чиркаш три раза в неделю ходил к ней на процедуры. У него были большие проблемы со спиной после белогвардейских застенков. И в рабочем состоянии его поддерживали медикаментами и массажем.

С досадой отметил, что короткий разговор с Идеологом уронил мое ставшее было выправляться настроение. Ладно, бог с ним. У меня и правда сегодня еще кое-какие неотложные дела. Только освободившись с места происшествия, я подал условную весточку о срочной встрече с осведомителем Пономарем. И теперь мы должны были увидеться в укромном месте, на Спасской улице, вдали от чужих глаз.

Туда я и отправился, выйдя из больницы. И по мере приближения к цели, под стук трамвайных колес и в непередаваемом коктейле запахов, шума и тесноты деревянного вагончика, на меня накатывало все более дурное настроение. Я осознал, что холодное ощущение смерти за моей спиной вовсе не ушло. А только становилось сильнее. Я будто ступал на тонкий лед...

ГЛАВА 3

Я на ходу спрыгнул с подножки переполненного трамвая. На улице было многолюдно. Народ возвращался со смены. Кто-то растекался по шаланам, чтобы пригубить стопочку после рабочего дня. Кто-то благопристойно следовал домой, к семье. Обычная городская суета. Все накатанно и привычно. Только мне, сотруднику ОГПУ, в этой толпе известно, что в город воткнулось холодное лезвие. Оно уже пронзило грудь бедолаги на винном складе.

Я лавировал в толпе, прикидывая список вопросов. А их у меня накопилось много, и я надеялся, что хотя бы на часть из них Пономарь мне ответит. К стыду своему должен признаться, что изначально снял я с него предварительную информацию поверхностно. Не вдавался подробно, как ему удалось ее узнать, при каких обстоятельствах. Ухватил сведения о самом факте и ретиво побежал рыть носом землю. Эх, пока что мне, молодому балбесу, не хватает хватки, извините за тавтологию. Вон, видел я не раз, как старшие товарищи работают. Агента сразу досуха выжимают, до самой мельчайшей детали. А у меня все кавалерийские наскоки и презрение к мелким подробностям, которые часто и становятся залогом успеха. Не раз корил себя за эту поспешность, обещал исправиться — и вот опять.

Но ничего. Сейчас из Пономаря выжму все. Пусть до ночи буду пытаться, но ясность в ситуацию он мне внесет!

Пономарь оперативно освещал всякие религиозные группировки. Он вечно ошивался около монастырей, старообрядческих общин, богомольцев и честно отработывал свой хлеб, предоставляя на них компромат. Где-то там подцепил и информацию об этой сделке...

Ощущение незавершенности угрозы и какого-то диссонанса так и не оставляло меня. Это утомляло, и я одернул себя. Все же волю чувствам давать нельзя. Ведь не раз случалось так, что они заводили меня в какие-то дебри, а на поверку оказывались пшиком.

Так что, расправив плечи, я пободрее зашагал вперед. Путь мой от трамвайной остановки лежал к кинотеатру «Луч». Потом я срезал дорогу через старые казармы, место хулиганское.

Встречавшиеся компании молодежи взирали на меня настороженно, а то и агрессивно. Я немножко напрягся, когда от одной из групп антиобщественных типажей отделился мелкий шнырь, из тех зачинателей скандалов, что подкатывают с наглым требованием: «Эй, шляпа, дай закурить». Но он тут же отчалил в сторону, демонстративно сплюнув на землю. Вообще, меня уже давно не задирали на улицах. Все же телесный объем, вес и самоуверен-

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

ность придают тебе свойство ледокола, который спокойно ходит по любимым льдам.

За казармами я перешел через каменный мостик, перекинувшийся через узкую речушку Даниловку, и очутился в Голландской слободе. Когда-то здесь действительно жили голландские купцы, край в то время процветал и стоял на торговых путях. Сегодня голландцев не осталось, зато сохранилась былая аккуратность, геометрически правильная застройка, брусчатка с электрическими фонарями. Сегодня здесь в двух-трехэтажных домиках располагались конторы речфлота и мясозаготовок, а также проживал всякий чиновничий люд невысокого полета.

Там, рядом с заколоченным досками костелом из красного кирпича, ждал меня Пономарь. Вон он прогуливается возле афишной тумбы — мелкий, щедушный, с клочковатой бороденкой и шальными глазами. Одет в тряпье, на плече сума — ну чистый странник, такие до революции толпами бродили по всей стране. Сейчас их поубавилось, но тоже немало осталось — шатаются по подворьям, монастырям, питаются слухами, их же и распространяют. Эта внешне безобидная публика может быть весьма вредной в руках антисоветского элемента, умеет она подогреть народ разными небылицами и зажигать пламя недовольства. Но может быть и полезной в хороших руках, таких как мои.

И эти хорошие руки сейчас будут трясти бродягу Пономаря как грушу. Он наверняка сам не представлял опасность добытых сведений, иначе, при его пугливом характере, просто промолчал бы. И сейчас, узнав о кровопролитии, примется всячески отлынивать, искать причины, чтобы спрыгнуть и уйти в тину. Так что привлечь его к дальнейшей разработке будет крайне затруднительно. Но деваться ему все равно некуда.

— Ну заварил ты кашу, — сказал я, приблизившись к нему.

— Какую кашу? Где каша? — затараторил Пономарь.

— Да с этим твоим Саввой, — начал я.

И тут меня накрыло. Почти так же, как тогда, перед артобстрелом в украинской мазанке, только, понятное дело, без истерик и криков. Все внутри завибрировало: «Опасность! Смертельная!» И это в огромном городе, среди бела дня, а не в наполненном кулацкой нечистью ночном лесу! Конечно, это выглядело со стороны странно и даже дико. Но я, не раздумывая, повинуюсь спасительному импульсу, рухнул на брусчатку, ударившись коленом и локтем так, что слезы брызнули из глаз.

Как-то приглушенно отозвалось: «Ну и дураком же я сейчас выгляжу». И следом кольнула болезненно-маразматичная мысль, плавающая в гамме раздерганных чувств, — лучше бы предчувствия

сбылись, чтобы не смотреться жалкой пугливой тварью. Ну и накликал.

Первая пуля пролетела где-то совсем рядом. Прямо надо мной. И я знал, что предназначена она была именно мне. Уже потом слух различил грохот выстрела. Били откуда-то справа. По звуку — похоже, шмаляли из чего-то такого серьезного, типа «маузера».

— Ложись! — крикнул я Пономарю, но было уже поздно.

Еще один выстрел. И что-то грузно шмякнулось рядом. Потом это что-то пискнуло и затихло. Краем глаза я различил валяющееся на брусчатке тело Пономаря. Порыв кинуться к нему, помочь был тут же смыт чувством самосохранения. Сперва самому выжить надо!

Я перекатился, сумел достаточно ловко вскочить на ноги.

Грохнул еще выстрел, и по бедру будто горячая спица прошла. Но нога не подкосилась, не онемела. Не первое мое ранение, и на автомате я оценил его как поверхностное. Если ноги не подгибаются и бежать можешь, это не ранение, а пустяк. А сейчас бежать — это единственная возможность спасти свою драгоценную шкуру. И хорошо, что до арки двухэтажного дома рукой подать.

Отчаянным прыжком я укрывся за афишной тумбой. Только это так себе защита, хлипкая. Пуля

«маузера» ее может и пробить. Поэтому надо рвать вперед.

Набрав дыхание, зигзагами, как заяц, бросился в арку дома... Шаг, другой... Быстрее!

Прислонился к обшарпанной стене, перевел дыхание. Выдернул из-за пояса «наган». Против «маузера», который бьет на километр, конечно, моя игрушка не тянет. Но и стрелок не будет там торчать вечно. Или убежит. Или решит подойти поближе и тогда напорется на мой вежливый ответный огонь...

Послышался милицейский свисток. Топот ног.

И я понял, что стрельба на сегодня закончена. Внутренний холод отступил. На его место пришла нервная пустота.

Вскоре я смотрел на тело Пономаря. Пуля аккуратно пробила ему голову.

Ну что, Александр Сергеевич, поигрался в бюрократа, пристроился в теплом кресле областного ОГПУ, пообвыкся с бумажной работой, так пора и честь знать. Опять ты на передовой, где пули свистят. И опять смерть рядом — собирает свой урожай...

ГЛАВА 4

Боже же мой. За что мне такие муки? То по трупам идти приходится. То рапорта писать и объяснения... Да, такого давно не было — два убийства за два дня фактически в моем присутствии.

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Зато будто струна натянутая лопнула со звоном. И я осознал, что топор уже не висит непосредственно над моей головой. Но и не убран подальше, а скорее отложен, хотя враг может извлечь его снова в любую минуту. Ох, сказать, что все это мне не нравилось, — не сказать ничего. Я точно вляпался во что-то очень серьезное, и теперь в сторону уже не отойдешь.

Подстрелили моего осведомителя действительно из «маузера». Хорошая машинка. Послевоенный калибр девять миллиметров, эффективная дальность стрельбы до трехсот метров, но требует твердой руки и хорошей подготовки. Били метров со ста, притом снайперски. Стрелок выбрал позицию на балконе костела. Если бы не моя интуиция, то меня тоже положил бы. А так только ранил, да и то пуля всего лишь чиркнула по ноге. Считай, царапина — перевязал и забыл.

Стрелок сработал на оценку «хорошо». До пятерки недотянул, поскольку одна цель не была поражена. Но для диверсанта важно не только уложить цель, но и незаметно уйти с места акции. А отход был подготовлен настолько качественно, что мероприятия по преследованию, опрос местных жителей ничего не дали. Равно как и осмотр места происшествия.

Вопреки своему обыкновению, Раскатов не стал распекать меня, кричать и лупить кулаком по сто-

лу. Наоборот, пригласил садиться. Накатил коньяка в серебряные рюмки. И приказал:

— Пей!

Как у закоренелого спортсмена, отношение к выпивке у меня непримиримое. То есть практически не пью и от этого нисколько не страдаю. Поэтому начал отнекиваться.

— Тебе расслабиться надо, Сашок. Пей! — гаркнул начальник.

— Надо, — горестно согласился я и опрокинул в горло обжигающий напиток.

После второй рюмки, оценив мой вспыхнувший ярче обычного румянец на щеках, Раскатов удовлетворенно кивнул:

— Процесс излечения пошел... А теперь выкладывай, что думаешь?

— А что тут думать. Гарантию даю, что два убийства связаны между собой. Уверен, что у винного склада лиходея каким-то образом засек нас. При этом спокойно завершил кровавое дело. И спокойно ушел.

— Почему так думаешь?

— Скажете же, что поповские сказки. А я почувял там взгляд... И на площади почувял, иначе первая пуля мне бы досталась.

— Барометр ты наш... Продолжай.

— Осознав, что сделка на винном складе засвечена, неизвестный стал продумывать источники утечки. И вспомнил о Пономаре.

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

— Значит, между ними связь была.

— Должна была быть. В общем, проследил он за нашим осведомителем. Версию проверял, прикидывал, не потянут ли того в ОГПУ на разговор. И в яблочко попал — Пономарь как раз с уполномоченным и встретился.

— На тебе написано, что ты огэпэушник? — скептически полюбопытствовал Раскатов, законно предположив, что в темноте у винного склада если убийца и видел меня, то вряд ли бы рассмотрел достаточно хорошо, чтобы потом опознать.

— Значит, написано... В общем, решили враги устранить угрозу самым простым и радикальным методом — парой выстрелов из «маузера». Ну вот кем надо быть, чтобы сразу стрельбу открывать!

— Опытным и расчетливым врагом. Видимо, он сильно боялся, что осведомитель передаст нам еще какую-то информацию. И допускал, что эта информация уже у тебя. Потому решили положить вас обоих.

— Для меня непонятно, как Пономарь в такое осиное гнездо проник, — задумчиво произнес я. — Кто его, бродягу, к серьезным людям пустит?

— Случайно наверняка. Где-то что-то услышал, а потом попал под прицел. Нужно его контакты проверять, — выдал Раскатов начальственное указание, которое меня не слишком порадовало.

— В последнее время Пономарь терся при Свято-Троицком монастыре и Среднем подворье.

Да и еще черт-те где. Но там что-то узнать маловероятно. Проходной двор.

— Все равно подработать надо.

— То есть дело мы себе берем? — задал я главный вопрос.

— А ты в угрозыск все сплавить хочешь? — усмехнулся Раскатов. — Дело по винному складу официально на них. Но неофициально... Такие казусы — это наша сфера. Я уже кое-кому сообщил. И не дай бог, если после этого гости столичные нагрянут.

— С чего это? — удивился я.

— А их такие факты, с пентаграммами всякими, сильно забавляют. Так что активнее надо работать.

— Нам хлеба не надо, работу давай.

— Вот именно. А для начала надо установить, кто такой этот Савва, — постучал мой руководитель пальцем по лежащей перед ним фотографии, сделанной в судебном морге. На ней был убиенный неизвестный парень.

— Если местный — установим. А если залетный... — с сомнением протянул я.

В принципе, установление личности — процедура отлаженная. Рассылаются запросы в соответствующие картотеки. Фотографии разыскиваемого помещают на стенды возле милицейских подразделений и разных государственных учреждений. Газеты еще есть. Все это должно работать как часы. Теоретически. Но фактически у нас, правоохранительной системы Страны Советов, отсут-

ствуует централизованный учет населения. После революции отменили паспорта как наследие тяжелого прошлого. Сегодня их заменяют трудовые книжки, справки из колхозов, удостоверения личности, которые вовсе не обязательны. Руководство ОГПУ не первый год проталкивает идею паспортизации населения, но пока успеха в этом не имеет. Так что беспаспортное население достойному учету не поддается. Контроль за ним ослаблен. Шатается народ где хочет, без пригляда. А ведь при ставшем уже очевидном усилении классовой борьбы, когда антисоветские организации растут как грибы, беспаспортный режим — это непозволительная роскошь. И как тут чего искать?

В общем, перспектива установления личности неизвестного свергала меня в уныние. И даже если удастся зацепить что-то по учетам, это все очень долго. Пока почта дойдет. Пока отработают запрос. Пока ответ направят.

— Разрешите, товарищ начальник управления? — послышалось после вежливого стука.

— Заходи, — кивнул Раскатов гостю.

В кабинет зашел Казарян, заместитель начальника моего СО (секретный отдел). Это был приземистый, с борцовской фигурой и реденькими седыми волосами на голове армянин — он отличался веселым нравом, был хитер, как змей, и опытен, как черт. Под мышкой держал кожаную папку с документами.

— На подпись, Максимильтян Данилович. Срочно.

Раскатов открыл папку и углубился в изучение документов. Один отложил в сторону, с чувством почеркав красным карандашом не понравившиеся ему слова. А на остальных поставил свою заковыристую подпись.

Казарян в это время, скромно примостившись на стуле, быстро и внимательно шарил глазами вокруг. Такая многолетняя профессиональная привычка — все видеть, замечать и анализировать, может, что и пригодится в работе. Его взор упал на фотографию на столе.

— Можно взглянуть? — Он потянулся к снимку. — О как! Младшего Агафонова прихлопнули!

— Кого? — встрепенулся я.

— Савву Агафонова. Это староверская семья в Нижнереченском районе, — пояснил Казарян. — Там у них село почти все семейное. Их фамилия у староверов весьма в почете. Власть они, конечно, не любят — притом как прошлую, так и нынешнюю. У них любая власть на Руси — от Антихриста. Присматриваемся к ним давно, но вроде вреда особого от них нет, так что гнездо не ворошим во избежание. А что там у них внутри их общины — одному Богу известно.

— Надо этих Агафоновых за цугундер взять! — запальчиво воскликнул я. — Пускай поведают, куда и зачем Савву этого послали. И про книжечку, которую при нем нашли.

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

— Надо, — кивнул Раскатов.

— Ну так отправьте меня в командировку. Я готов. Как штык.

— Нижнеречье на самом отшибе области, — заметил Казарян. — Глухие закутки, там старожилы еще со времен Петра Первого прятались от властей. Туда сейчас добраться целая проблема. Знаешь ли, Александр Сергеевич, трамваи туда не ходят. Только пароходом или вскачь. Да и народ летом часто на промыслах. Не уверен, что сразу Агафоновых найдешь. Скорее зависнешь там на месяц-другой.

— Разумно, — согласился Раскатов. — Вот что, Сашок. Телеграфируем районному уполномоченному, пускай справки наведет, народ подключит да спрашивает об Агафоновых этих. И о Савве их. А потом уж ты на место отправишься, вцепишься своими зубками — молодыми да острыми.

— Все захваливаете, Максимильтян Данилович.

— Я? Тебя?! А ну пошел работать, бездельник! — Раскатов грохнул по столу кулаком так, что чернильный прибор подпрыгнул.

Стол этот был легендарным. Уже много лет от избытка чувств Раскатов лупил по нему кулаком. И не упускал возможность напомнить мне, что с прошлого места службы в Углеградске он пригнал два деревянных предмета — стол и уполномоченного Большакова, то есть меня.

В глазах Раскатова мелькнули смешливые искры, и я понял, что бил он сейчас по столу больше для порядка, чем для устрашения моей и так вечно уstraшенной им натуры.

Я поднялся со стула, но тут Раскатов остановил меня жестом:

— В общем, так, заводи агентурное дело для установления и последующей разработки неустановленных сектантов. Как назовешь?

— «Индейцы», — брякнул я.

— Это еще почему? — удивился Казарян.

— Доколумбовские индейцы баловались человеческими жертвоприношениями.

— «Индейцы», — усмеялся Раскатов. — Пусть будет так. Ну и чтобы по агентурному делу «Бобры» результат был.

— Будет, — вздохнул я.

Агентурное дело «Бобры» было заведено для разработки контрреволюционной организации «Русь Свободная». С ней давно надо было что-то решать. Только вот ждали курьера из Москвы, чтобы прихлопнуть всех разом.

В общем, планов у меня было громадье, в отличие от времени, которого вечно не хватало.

Но тут вдруг нам всем стало не до чего. А все Чиркаш, идейный наш обкомовский блюститель. Какой леший его тогда к нам принес? И накаркал такое, революционер пламенный!..

ГЛАВА 5

В кабинете пусто. Всех его обитателей сняли с места и отправили в Угловский округ. Там в селе Ольховская пятеро пьяных и потерявших все берега хулиганов, все как на подбор детишки кулаков и подкулачников, подстрекаемые матерыми кулаками, вооружившись кольями, избивали попадавших им на улице бедняков, колхозников и ответственных работников, выбивали рамы и выламывали двери в их домах. Орали: «Нас и наших отцов обложили кратно и индивидуально, но мы вам покажем, как нас трогать! Мы, бандиты, месть всем колхозникам!»

Перед этим выступлением кулачество села распускало провокационные слухи о готовящейся на Руси «Варфоломеевской ночи», в которую «справные хозяева» разом перебьют всех членов колхоза и коммунистов с активистами. Погром продолжался несколько часов, в результате чего все село было охвачено паникой, некоторые селяне оставляли свои дома и убегали на гумна и в поле. По имеющимся сведениям, сильно избитыми оказались председатель колхоза, два члена сельсовета, один член партии и активисты села — всего полтора десятка человек.

Раскатова полученное сообщение о массовых беспорядках взбесило. Он собрал весь наш отдел и отправил усмирять хулиганье. При этом прика-

зал арестовывать всех, хоть краешком причастных. При сопротивлении применять самые жесткие меры. В общем, патронов не жалеть!

Вот и отправились мои соседи наводить порядок. Вообще, наш секретный отдел постпредства состоял в основном из опытных, уверенных в себе специалистов. По большей части они начинали службу еще в ВЧК и повидали на своем веку многое. На их фоне я ощущал себя зеленым новобранцем. Или скорее щенком, попавшим в свору матерых волкодавов. Или, что еще хуже, каким-то самозванцем, занявшим чужое место. Но Раскатов в меня верил. Не столько в мои блестящие оперативные данные, сколько в мое упрямство и сопутствующую мне в трудах удачу.

Раскатов и перетащил меня в область в прошлом году. Это нас наконец настигла награда после той нашумевшей истории двухлетней давности. Тогда я был молодым сотрудником, только после курсов, а Раскатов руководил окружным отделом ОГПУ. Общими усилиями мы вернули тогда государству двадцать тонн золота и прихлопнули кровавую банду некоего Атамана. Мой вклад в то дело был настолько ощутим, что я мог рассчитывать на благодарность трудового народа и руководства ОГПУ.

Вся бодяга тянулась больше года. Наверху совещались, то ли за такие успехи нас наградить, то ли присмотреться повнимательнее, а все ли золото

мы вернули государству и какими такими хитрыми путями вычислили банду. Надо отметить, что опасаться нам было чего. Картина в докладных и картина в реальности различались достаточно сильно для самых строгих оргвыводов. Но все хорошо, что хорошо кончается. В итоге, с запозданием на год, мне вручили именное оружие с подписью товарища Менжинского. Раскатова перевели в область на ключевую должность — зампостпреда — начальника секретного управления, под которым вся агентурная работа. Ну и мне здесь местечко нашлось, чему, как молодой начинающий карьерист, я был искренне рад. Если бы еще не вечный страх опростоволоситься и не оправдать надежд. Но пока вроде работа шла без особых взлетов, но и без сильных провалов. Я был эдаким середнячком. Но середнячок в большом городе — это куда лучше примы в лесах.

Внутренний телефон зазвонил так, что я подпрыгнул. Он вечно так звонит. Наверное, специально на такую громкость поставили, чтобы к начальству ты подходил уже взбодренный, с натянутыми нервами и в ожидании целебного разноса. Сердце-то не железное, екает.

— Ну-ка, Сашок, подойди, — прозвучал в трубке голос Раскатова.

Вкрадчиво так, но видно, что он на взводе.

Начальник в кабинете был не один, но, видя, как я застыл на пороге, только махнул рукой:

— Заходи, Сашок, гостем будешь. Заодно вопрос животрепещущий обсудим.

Я поморщился. Мне показалось, что кабинет руководителя стал как-то теснее. Притом знакомо теснее. В пространстве, достаточно просторном для обычных людей, теперь воцарился Чиркаш.

С Раскатовым главный областной идеолог был знаком еще с Гражданской войны. Они вместе сидели в узилище у белогвардейцев, вместе их пытали и водили на расстрел, но не дострелили. Так что Чиркаш бывал в этом кабинете часто. Пропускали старые боевые товарищи порой по рюмочке, вспоминали былые времена, а заодно решали служебные вопросы. А общих вопросов у идеологического отдела обкома и ОГПУ была тьма-тьмушая. И некоторые настолько острые, что о них порезаться можно.

Вот и сейчас — рюмочка была. И вопросы были. Притом, судя по виду моего начальника, не шибко они его радовали.

— О, поэт, — бросив на меня быстрый взгляд, кивнул Идеолог. Он почему-то считал необходимым в честь моего великого тезки Александра Сергеевича Пушкина именовать меня высоким званием поэта. — Ну, послушаем твое слово. Правда, не слишком весомое. Такое пустячное.

Такая вот у него неприятная привычка — жить спокойно не может без того, чтобы не подначить, съязвить и высмеять. Притом делает это механи-

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

чески, а не с целью кого-то унизить и принизить. Так, пнул по ходу котенка на улице и пошел дальше, потому что так привык, и вообще, нечего ему на дороге попадаться.

— Так устами младенца, знаешь ли, истина глаголет, — сказал Раскатов. — А ты продолжай, продолжай.

— Да что продолжать! А то ты не знаешь, как после этого... — Идеолог замялся, а потом повторил услышанное у Вари определение: — Как после этого жертвоприношения город гудит.

— Погудит и затихнет, — отмахнулся Раскатов. — А мы пока этих сектантов найдем. И по всей пролетарской строгости с них взыщем.

— Мелко мыслишь! Это все змеиное староверческое кубло. Оттуда, как гадюки, все эти сектанты лезут. Все эти их зверские обычаи, когда за Христа своим детям головы рубят. Все эти массовые убийства и самоубийства. Ведь это у нас в области процветала секта «Спасово единство». Знаешь, какой они способ смертоубийства изобрели? Клин в дерево вбивают, потом в образовавшуюся щель руку человека суют и клин выбивают. Кости дробятся, руку не вынешь, на помощь никто в глуши не придет. Так главарь этой секты всех своих близких родных сначала к деревьям прикрепил, а потом и себя самого — и всех до смертного исхода. И все это исключительно ради спасения души, во имя Бога. Вот что у них за Бог такой, а?

— Сектанты, — пожал плечами мой начальник. — Но «Спасово единство» еще при цареватюшке разгромили и по каторгам с глаз долой разогнали. Таких больше нет вроде бы.

— А вроде и есть. Ты про жертвенное приношение, что, забыл? Но хуже даже не то, что они друг друга во имя Христа режут и подушками душат. Хуже то, что они как смущали народ, так и смущают. Ни жить не могут, ни даже умереть, чтобы смуту не внести. Надо их зачищать. В Нижнеречье, в Солигорске. И поименно. — Идеолог потянулся за портфелем, который стоял в его ногах, щелкнул золотистыми застежками и вытащил список на нескольких листах.

— Войсковую операцию предлагаешь? — недобро прищурился Раскатов.

— Предлагаю! — махнул сжатым до белизны кулаком Идеолог. — Пора этот гнойник в Нижнеречье вырезать!

— Экий ты скорый. И так по всей области волнения. Не принимает часть народа коллективизацию. Падки на агитацию кулаков, подкулачников и религиозных мракобесов. А ты предлагаешь в улей головешку горящую сунуть.

— Не в улей, а в осиное гнездо! И выжечь все к чертовой матери!

— И бунт устроить? Уже наворотили в Юсуповке твои архаровцы из агитационного поезда. Хорошо, без большой крови обошлось.

Идеолог поморщился. Два месяца назад в Юсуповку, село богатое и глубоко религиозное, прибыл специальный агитационный поезд. Сначала агитаторы ввели в ступор селян сатирическим представлением, где прошлись и по попам, и по Библии, и по самому Господу Богу. А потом протащили на собрании членов артели и коммуны решение передать местную церковь на культурные и антирелигиозные нужды. Вылилось все в массовые беспорядки, где ударным кулаком были богомольные женщины в длинных одеждах, платках, вооруженные коромыслами, ухватами, граблями и прочей боевой утварью. Сначала отметелили от души агитбригадовцев и местных активистов. Потом, когда толпа выросла и расสวิрепела, запылал дом местного милиционера. Пришлось бросать на подавление отряд из милиции и наших сотрудников. Арестованы были двенадцать человек, а потом приговорены к разным срокам. Церковь вернули верующим. Но проблем это не решило. Однажды запылавшее недовольство росло, пока еще не вырываясь наружу пламенем. Но лиха беда начало.

— Не-ет, дорогой мой, — покачал головой Раскатов. — Мы только две недели как контрреволюционную ячейку организации «Крестьянская волежность» в Нижнереченске взяли. Семерых отпетых контрреволюционеров, вооруженных и решительных. Они восстание на конец мая готовили, но мы им планы порушили. А на свободе их еще сколько

осталось! Мы их выдергиваем. Аккуратненько. Кислород им перекрываем. А ты предлагаешь ударить по площадям и сразу все вокруг взорвать? Чтобы сельсоветы пылали? Вон, зайди в кабинеты. Там пусто. Мои люди в Угловске антинародные беспорядки подавляют. И так изо дня в день! У нас не хватает сил, пойми!

Раскатов говорил сущую правду. И что сил нам давно уже не хватает, потому как штаты слишком малы для объема решаемых задач и угроз текущего момента. И что беспорядки вспыхивают постоянно. И что во всей области Нижнереченский — это самый взрывоопасный район, где постоянно контрреволюция, беляки недобитые и эсеры воду мутят. Там уже больше года шло шевеление под лозунгами: «За собственность, свободную торговлю, хорошую землю. Против отвода удобных земель колхозам», «Добиваться вольной торговли, чтобы не отбирали у мужиков хлеб». Три месяца назад там произошло нападение на воинское подразделение, преступники завладели полусотней винтовок. Удалось установить четверых нападавших, но они успешно скрывались в лесах и на заимках. Только одного неделю назад прихлопнули при задержании. Да и у населения, занимающегося охотой, оружия полно. Леса там непролазные, есть где скрыться. Хотя и проредили мы подполье там неплохо, однако в каждом из нас жил страх, что однажды все Нижнеречье запылает.

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

— Близоруко смотришь, — буркнул Идеолог. — Не по-партийному.

Тут Раскатов, не отличавшийся долготерпением, вышел из себя. Он был из поколения железных людей, целеустремленных до фанатизма, ясно видящих цель. Грубый, откровенный упрямец. Был он жесткий, при необходимости жестокий, но вместе с тем обладал какой-то врожденной мудростью. Так что, в отличие от того же Чиркаша, тоже железного и твердокаменного, но привыкшего рубить сплеча, мой начальник обычно принимал самое оптимальное и справедливое решение — был у него такой дар. И сейчас я с ним был полностью согласен.

Он со страшным грохотом ударил ладонью по столу и взревел:

— Что?! Близоруко? Ты у нас дальнорезкий? Гражданскую войну новую в области хочешь разжечь? С людьми работать надо! Объяснять им суть момента, а не лезть по любому поводу с ружьем наперевес!

— От ОГПУ ли слышу? — недобро осведомился Идеолог. — Вы карающий меч. А уговаривать мы должны.

— Хреново уговариваешь! — успокоился немножко Раскатов. — Гаврила, не полезу я сейчас в Нижнереченск и окрестности. Там все на грани взрыва. Вот изыдем по-тихому всех контрреволюционных заправил, тогда можно будет заняться твоим политпросвещением по полной. Тогда

и церкви будешь закрывать, и спектакли про жирных попов показывать. Но позже, сильно позже.

— С тобой всю мировую революцию проспим, — недовольно буркнул Идеолог.

И отступил. Он прекрасно знал, что Раскатова, убежденного в своей правоте, сдвинуть с места ни один трактор не сможет.

Впрочем, сдвигать с места, спорить и что-то доказывать не пришлось. Вскоре взорвалось все само! Да еще как!..

ГЛАВА 6

Я достаточно быстро притерпелся разглядывать ноги прохожих и ощущать себя каким-то гномом, добрым жителем подземелий. Ко всему привыкаешь. Даже к тому, что комнату мне выделили в подвальном помещении, ниже брусчатки. Так что приходилось смотреть на мелькающие в оконном проеме туфли, лапти, ботинки куда-то спешащих людей. Это было даже забавно. Хуже всего здесь, когда дождь — тогда хоть святых выноси. Через какие-то совершенно невидимые щелки и трещины вода протекает в комнату, и порой приходится ходить в галошах, хлюпая по лужам.

Помещение было просторным, со сводчатым низким потолком. Удобства, понятное дело, во дворе. Зато имелся водопровод и причитающийся в довесок к нему кран с металлической раковиной.

Варя пообвыклась здесь куда быстрее меня и даже полюбила нашу подвальную каморку с отдельным входом со двора. Ведь теперь, после ее жизни с тремя сестрами в небольшом родительском доме, общежития и съемного угла, точнее койки, у нее было собственное жилье. Свой дом, своя крепость. Только мебель чужая, казенная, с металлическими бирками «Хоз. ОГПУ». Но она пыталась украсить наше жилое пространство всякими милыми безделушками — скатертями, фигурками на полках. А порядок у нас царил, как в ее хирургическом отделении, — полная стерильность и четкое распределение всех вещей исключительно по своим местам.

Да, мой дом — моя крепость. И вот теперь, посреди ночи, в мою крепость ломились. Колотили сапогом. Да еще орали:

— Александр Сергеевич, вставай!

Эх, где мой сладкий сон? Бросить бы сейчас на этот противный голос гранату да упасть бы опять в объятия Морфея. Но нельзя. Надо просыпаться.

Я вернулся в реальность. В дверь опять заколотили. На улице урчал автомобильный мотор.

Сердце екнуло. Не люблю таких ночных визитов. Могут прийти, чтобы уйти вместе с тобой. А могут прийти и за тобой. Чекистская судьба нередко переменчива.

Спросонья, тяжело шаркая тапками по полу, я доплелся до входной двери. Отодвинул засов.

И увидел стоящего на пороге и чему-то радующегося Сына Степей.

— Тревога! — бодро воскликнул он. — По машинам!

— Что там опять у нас не так? — заворчал я. — Антанта вернулась?

— Нижнереченский район вспыхнул! Активистов и партийных убивают!

— Вот же... — Я хотел витиевато и очень неприлично выругаться, но тут заметил, что Варвара тоже поднялась, и прикусил язык. Она же знает, что муж ее предельно корректен и воспитан, а нецензурные выражения просто чужды ему по духу.

Собраться мне — две минуты. Одеться по дождливой погоде, накинув матерчатую куртку, засунуть за пояс «наган», захватить разложенные по специальным коробочкам патроны — их запас карман не ломит. И в путь-дорожку дальнюю, с барабаном и песнями.

Грузовик был не наш, а военный — войск ОГПУ. В кузове расположилось человек десять сонных или, наоборот, настороженных столь быстрыми переменами бойцов во главе с бравым командиром, всем своим видом демонстрировавшим, что ему море по колено и душа рвется в бой. Из постпредства были только я и Амбага.

По дороге Сын Степей ввел меня в курс дела. Оказалось, что до железного рудника в Нижнереченском районе добрался израненный коммунар.

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Сообщил, что ночью в их село Акташинское тайком проникла вооруженная банда. Лихие людишки аккуратно рассредоточились по домам сообщников, а утром приступили к своей бандитской работе. На пороге клуба, где должно было состояться совещание немногочисленного сельского партийного актива, негодяи застрелили из винтовок начальника милиции и председателя сельсовета. Затем отправились в школу, где тремя выстрелами, с каким-то особым смаком, уложили учителя. Из домов вытащили бывшего красноармейца и двух партийных, заперли в сарае, пообещали устроить над ними всенародное судилище. И торжественно объявили, что советской власти пришел конец, поднято всенародное восстание, которое охватит сначала область, а потом и всю страну.

Похоже, в предводителях бунта был наш фигурант — Порфирий Тиунов, активный участник «Крестьянской вольности».

Больше никакой внятной информации о восстании не было. Места отдаленные, лесные. А кабель телефонной связи бандиты перебили сразу же. Ну что ж, судя по всему, действуют враги продуманно, с размахом. Значит, и легкой прогулки не будет, а дела нам предстоят горячие. Ничего не попишешь, дело не сапог, с ноги не скинешь. Будем восстанавливать исторически закономерный ход вещей.

Работа уже кипела. Были подняты по тревоге во всех окрестностях военные, милиция, ОГПУ.

Со стороны Пименского района на бунтовщиков двигалась пехотная часть, усиленная кавалерией.

Наш грузовик проколдыбал по брусчатке центра и, высвечивая дорогу желтыми фарами, углубился в окраинные, неосвещенные районы. Вскоре со скрипом тормозов остановился на территории речного порта.

У пристани стоял колесный пассажирский пароход «Коммуна», осуществляющий перевозки людей по многочисленным рекам нашей области, которая по территории равна трети Европы. Он был построен еще до революции и назывался тогда «Александр Третий». Сейчас, в свете прожекторов, казался очень большим и каким-то таинственным. Длинный белый корпус, двухэтажные палубные надстройки с рубкой, каютами, высокая труба. Возникало ощущение, что река для него слишком тесна, он рвется на океанские просторы, к неоткрытым островам.

Но к необитаемым островам Тихого океана этому пароходу не попасть никогда. И в ближайшие дни не возить ему праздных пассажиров и не радовать их корабельным буфетом. Приказом начальника ОГПУ пароход «Коммуна» был реквизирован под нужды чекистско-боевой операции.

На территории порта уже стояли несколько легковых машин и грузовиков. Активно шла погрузка бойцов войск ОГПУ и каких-то гражданских субъектов. Также было полно сотрудников